

Виталий А.

Военный госпиталь

Социальная драма

Виталий А.

**Военный госпиталь.
Социальная драма**

«Издательские решения»

Виталий А.

Военный госпиталь. Социальная драма / Виталий А. —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852073-0

История, услышанная в военном госпитале. В этой книге я постарался максимально объективно описать быт простых пациентов госпиталей в начале двухтысячных. И грустное, и смешное.

ISBN 978-5-44-852073-0

© Виталий А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Военный госпиталь Социальная драма

Виталий А.

Все события и герои вымышлены. Любые совпадения с реальными личностями случайны.

Иллюстратор Виталий А.

© Виталий А., 2017

© Виталий А., иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2073-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Я бы удрал как можно дальше от казарменного духа. Это главное. Снял бы себе каморку, облачился бы в штатское и на две недели стал бы человеком.

– А разве, чтобы стать человеком, достаточно надеть штатское? – спросил Рейтер.

– Ясно. Что же еще?

© Эрих Мария Ремарк. «*Время жить и время умирать*».

Глава первая

В то мартовское утро я жадным взглядом осматривал мелькавшие за окном нашего военного «уазика» оживленные и широкие улицы Питера, предвкушая в мечтах ожидающий меня сладостный отдых от армейской суеты и осточертевшего распорядка. В этот славный город я впервые попал осенью 2003 года, прибыв в качестве молодого пополнения для Санкт-Петербургского военного института внутренних войск для несения срочной службы. Жили мы с товарищами довольно дружно, питались за одним столом с курсантами и особо жаловаться было не на что. Неуставные отношения ограничивались редкими подзатыльниками от «дедов» (старослужащих – прим.) и шуточками на вроде команды «йогурт», услышав которую молодые бойцы должны были дружно воскликнуть: «Ууу... Данон», пародируя известную рекламу тех лет. Иногда к тебе мог подойти «дедушка» и спросить:

- Как твое имя солдат? В ответ нужно было соорудить звериную рожу и ответить грозно:
- У меня нет имени. Я рожден убивать!

Должен признать, что порой выходило довольно забавно. Жаль, что в те годы мобильные телефоны еще не были повсеместно распространены и я не могу сейчас на досуге просмотреть видеозаписи тех былых дней.

В середине марта я неожиданно почувствовал себя сильно простуженным и две ночи подряд изводил соседей по казарме таким надрывным кашлем, что дембеля сами в трех словах потребовали от меня явиться с утра в санчасть, иначе они отведут меня туда силой. Проведя первичный осмотр, сделав мне флюорографию легких на новеньком оборудовании и диагностировав запущенную пневмонию, наши медики тут же связались с моим ротным командиром и потребовали немедленно отправить меня в военный госпиталь. В те годы редко можно было встретить в армии такое трепетное отношение к срочникам (солдат срочной службы – прим.), но начальство нашего института очень дорожило его репутацией и всячески старалось избегать неприятных ЧП. Таким нехитрым образом, я и оказался в машине на пассажирском сидении, следуя в больницу в сопровождении майора из нашей части. Водителем «уазика» был один мой хороший знакомый из автомобильной роты, но в присутствии высокого начальника мы за время поездки даже словом не обмолвились. Подъехав часа через два к окруженному невысокой оградой комплексу зданий, мы с малознакомым мне майором из нашего штаба прошли в приемный покой легочного отделения, где мой сопровождающий сдал меня принимающему врачу, получил какие-то бумаги и, пожелав мне скорейшего выздоровления, отправился восвояси.

После отъезда своего сопровождающего, я мигом стер с лица бессмысленное выражение и начал с любопытством оглядываться и рассматривать в ближайшее окно окружающую обстановку. Сам я родом из провинциального Нижевска и служба в таком большом городе представлялась мне захватывающим приключением, а уж гигантский военный госпиталь и вовсе показался мне каким-то фантастическим местом. Через день наступал мой день рождения и я рассматривал тогдашнюю госпитализацию как своеобразный подарок свыше. Лучше было бы, естественно, вообще не болеть, но раз уж меня угораздило подхватить пневмонию, то всяко приятнее проходить лечение лежа на кровати лазарета, нежели охраняя ворота контрольно – пропускного пункта или маршируя на плацу. До того дня я никогда не бывал в военных госпиталях и ориентировался лишь на благожелательные отзывы своих однополчан. Незадолго до этого в нашу роту вернулся после излечения мой товарищ, который провел предыдущий месяц в госпитале при Спец Строе ВС в Стрельне. Самым ярким впечатлением от недавней госпитализации у него остались тамошние вкусные тортики, выпекающиеся в той больнице для их последующей коммерческой реализации. Иногда часть тортиков оказывалась нераспродан-

ной и тогда их совсем бесплатно раздавали пациентам. Хоть срок годности подобной вкуснятины подходил к концу, но никто из пациентов от нее не отказывался.

Вокруг меня не спеша прогуливались преимущественно молодые парни в смешных синих пижамах, черных сланцах и шапках-ушанках со звездочкой. Изредка среди прохожих попадались врачи и медсестры в белых халатах. Лица были на удивление веселые и беззаботные, хотя раньше я представлял себе пациентов госпиталей умирающими калеками. В действительности же лица прогуливающихся пациентов более всего походили на отдыхающих курортников в Туапсе, в котором мне однажды посчастливилось отдыхать, и печати приближающейся смерти я в них так и не смог разглядеть. Почти каждый встречный в пижаме считал своим долгом попросить у меня сигарету и, раздав за пару минут полпачки сигарет, я решил впредь быть более экономным.

– Пошли за мной, Ершов. – отрывисто бросила мне грузная медсестра. Я послушно последовал за ней. Пройдя пару десятков шагов мы остановились перед большой комнатой, которая была заполнена разнообразным обмундированием. Перед входом в комнату яростно спорили двое. Коренастый парень, уже переодетый в больничную пижаму, наотрез отказывался сдать свой зимний бушлат с синей нашивкой Спецстроя, а пожилая сестра-хозяйка безуспешно пыталась ему объяснить, что всем новоприбывшим пациентам положено сдавать всю форменную одежду и она здесь будет храниться в полной сохранности до возвращения своего хозяина. Парень стоял на своем как танк и сестра-хозяйка махнула на него рукой, жестом показав мне переодеться. С этим упрямым спецстроевцем мы познакомились по дороге в палату. Оказалось, что его зовут Андрей и его вместе со мной направили в легочное отделение. Зайдя в указанную нам медсестрой просторную палату с дюжиной одноярусных коек, мы сбросили на пустующие соседние кровати наши пакеты с вещами и бритвенными принадлежностями, а затем отправились в туалет покурить.

– Витек, сколько тут служишь? В каких войсках? – спросил он меня.

– Полгода, во внутренних. – ответил я, жадно затягиваясь сигаретой. – А ты?

– Я уже полтора года отслужил. – снисходительно кивнул он. Я тут же задал ему мучавший меня вопрос: почему он так держится за свой старый бушлат и даже покурить с ним в туалет пошел? В его глазах застыло недоуменное выражение, будто я его спросил о чем-то само собой разумеющимся.

– Блин, я всегда его с собой ношу. – ответил Андрей. – Зимой практически его не снимаю, а летом просто таскаю его всюду за собой. Если бы я после подъема поехал на стройку и оставил бушлат в «располаге» (казарме-прим.), то его сразу бы сперли. А новый потом замучаешься получать – так и будешь без бушлата дембеля ходить. И зимой, и летом. Или... Или пока у другого ротозея себе другой бушлат не стыришь.

Я вылупив глаза смотрел на него. Ну, дела... Если у них в стройбате даже «дедушка» боится что-нибудь в казарме оставить, то каково там приходится нести службу молодым? Конечно, я давно слышал от старших ребят, что в стройбате (или по-новому названию в Спецстрое) служба не сахар. В нашем дворе жил парень, который в начале девяностых пошел служить в стройбат, а потом дезертировал и минуя, положенный обычно за такие проступки дисциплинарный батальон, отправился напрямиком на несколько лет в колонию. Вернувшись, он мечтательно рассказывал мне о своей вольготной жизни на зоне:

– Прикинь, Витек. Никакой тебе зарядки или строевой подготовки. Жратва там в сто раз лучше чем в армии. Никто тебя не фигачит сапогами по ребрам, никто тебя с нарядами не напрягает. Лежишь себе на нарах – и в ус не дуешь. Если бы я знал, что каково там служить, то лучше сразу бы в тюрьму пошел, а не в армию.

Мысленно лишний раз порадовавшись тому, что на моем бушлате нашит горделивый грифон (эмблема высших учебных заведений внутренних войск МВД РФ в описываемый период -прим.), а не двуглавый орел с топором и лопатой (эмблема Спецстроя – прим.), я

отринул невеселые мысли и вернулся в палату. Там уже находились все наши немногочисленные постояльцы. До нашего приезда с Андрюхой там было всего трое пациентов. Один морячок из Кронштадта был лежачим и за время пребывания в нашей палате он почти ни с кем не общался, а двое других олицетворяли собой артиллерию и, естественно, спецстрой. Я точно не знаю почему в военных больницах и госпиталях тогда было такое большое количество ребят из стройбата. Думаю, что тут сказывались их жесткие армейские нравы, отсутствие качественного питания и длительные работы на открытом воздухе. Да и зачем держать в невоюющем городе большое количество мотострелков, вэдвэшников и прочих солдат? То ли дело бесплатные строители. Так или иначе, из всех встреченных мною в госпитале пацанов каждый третий был из данного рода войск.

Всего наше легочное отделение было рассчитано на семь десятков пациентов и наполовину пустовало. В другом крыле здания находилась реанимация для тяжелых лежачих больных, где было около десятка человек. Все пациенты были мужчины, как правило в призывном возрасте, кроме одного пожилого прапорщика в реанимации. Помимо нескольких палат в отделении находился шкаф с какими-то лекарствами, общий туалет – он же курилка, процедурный кабинет, небольшая столовая и комната дежурной медсестры. Получив укол, назначенного мне врачом пенициллина в ягодицу, и взяв несколько неизвестных мне таблеток, я был свободен до следующего укола. Уколы в зад я получал каждые шесть часов на протяжении следующих двух месяцев, так как пневмония дала осложнения и мое лечение сильно затянулось. Единственный плюс такого лечения был в том, что с тех пор я абсолютно перестал бояться уколы. На гражданке мне говорили, что уколы пенициллина – это позавчерашний век медицины, но видимо в армии нововведения не сразу приживаются.

В тот же день я завербовался в работники столовой нашего отделения. В столовой работало три человека: «старший» и двое помощников. Все волонтеры были из числа ходячих пациентов и старшинство определялось временем работы в столовой. Начал я как помощник, но уже через дней десять обоим моим коллегам выписали и я остался за «старшего». Работа была совсем не сложной. Ходить несколько раз в день с бидонами и ведрами в корпус главной столовой за едой, мыть посуду, следить за списками стоящих на довольствии, убирать маленькой помещением столовой и разносить подносы с едой тем, кто сам дойти до нашего помещения был не в состоянии. В первый день я с непривычки разбил тарелку, уронив ее с подноса, но больше такого не повторялось. Уборкой и мойкой занимались, в основном, помощники, а «старший» должен был выпрашивать побольше хлеба в хлебозерке, котлет у поваров и максимально долго не вычеркивать выбывших обратно в часть пациентов, чтобы получать еду и на них. Соответственно, новоприбывших заносить в список необходимо было максимально быстро. Путем нехитрых манипуляций я ежедневно получал в полтора раза больше котлет и прочих вкусняшек, чем было положено пациентам. Денег за работу в столовой не платили, но насильно работать в ней никого не заставляли. Желающих всегда было предостаточно, так как вместо полагающейся больному котлеты (а для «дедушки» – двух), помощнику полагалось три – четыре, а в каких-нибудь макаронах и подливке вообще не было никаких ограничений. Даже мне время проведенное там показалось самым сытным периодом моей службы, а что уж говорить о вечно голодных ребятах из стройбата, да и только пришедшие из учебки сержанты отличались редкостным аппетитом.

Из окна своего буфета я поначалу частенько наблюдал за соседним зданием «психов». Там находились до решения медкомиссии пацаны, решившие либо «закосить» (освободиться от службы – прим.) под дурачка, либо уже реально съехавшие с катушек. В отличие от всех других зданий на территории больничного комплекса, там на всех окнах были металлические решетки и выходить из здания пациентам без разрешений-сопровождений врачей строго запрещено. За нами же особого присмотра не было и мы спокойно передвигались по территории госпиталя. При этом мы легко могли при желании перелезть через ограждение

и дать стрелкача, но такие чрезвычайные происшествия случались крайне редко. Не зря ведь у нас сразу забирали армейскую форму – в пижаме далеко не убежишь. А те кто не желал возвращаться в часть обычно косили под психов. Например, глотали иголку обмотанную бинтом и заявляли об этом медсестрам, вскрывали себе вены или бились башкой об стену. После этого они переходили в «здание психов» и через месяц-два полной изоляции уезжали домой. Врачи четко просекали симулянтов, но старались их не разоблачать. Зачем держать человека, если он служить не хочет? Вдруг, убьет еще кого. Лучше сделать вид, что поверил в психическую ненормальность и отправить бедолагу домой, а взамен в армию других солдат пришлют. Думаю, что реальных неадекватов и симулянтов там было примерно поровну. Иногда я наблюдал в окошко столовой довольно замечательные картины. У психов был полный карантин, поэтому с куревом у них было очень тяжело. Когда под их зарешеченными окнами, выходящими на проезжую часть, проходили редкие дымящие сигареткой прохожие горожане, то, как правило, из окон второго этажа просили дать закурить. Если сердобольный прохожий останавливался и недоуменно вопрошал каким образом он может передать сигарету, то почти сразу из окна вылетала пустая пачка привязанная бечевкой. Прохожий клал туда одну или несколько сигарет и пачка начинала свой путь наверх. Но неожиданно из окна первого этажа выскакивала чья-то длинная лапа и мгновенно совершала перехват. После этого на целый час возникла ожесточенная перебранка между обитателями первого и второго этажей, а спустя некоторое время все повторялось заново. Верхние постояльцы прекрасно понимали уязвимость своей невыгодной стратегической позиции и, дабы подстраховаться, выделяли на подъем пачки самого длинного парня, крепко держа его за ноги. Но и нижние наглые перехватчики поступали аналогичным способом. Данное зрелище мне надоело наблюдать уже через день и в дальнейшем на существование психов по соседству я не обращал никакого внимания.

Первые несколько дней в больнице я наслаждался тишиной и покоем, возможностью безмятежно валяться на койке без надрывных вскриков, типа «РОТААА... ПОДЪЕЕЕЕЕМ». Через пару дней мне это ничегонеделание ужасно наскучило и я стал подыскивать себе занятия для проведения досуга. В палате валялась засаленная колода карт, но мои соседи были довольно меланхоличны и игра в карты с ними быстро успевала наскучить. Но наше сонное царство просуществовало недолго. Лишь до того момента, как к нам прибыл Колян. Николай – это был здоровенный детина с громовым голосом и заражающим всех оптимизмом. Я и сам не маленький. У меня рост за сто восемьдесят, но Коля был намного выше и шире. За прошедшие с тех дней пятнадцать лет я никогда больше не встречал подобных ему людей. Больше всего он походил на героя старого советского фильма «Александр Невский». Если вы его смотрели, то попробуйте представить себе, что такой человек постоянно находится с вами в одном помещении. От звука его громового голоса незнакомые люди нервно вздрагивали и оглядывались. Несмотря на свои внушительные габариты, он был в постоянном движении, как гигантский волчок. Через полчаса после прихода в нашу палату он уже был со всеми на ты и дружески хлопал меня по спине. От пары таких дружеских похлопываний у меня вся накопившаяся мокрота из легких вылетела и я даже перестал кашлять.

– Знаешь, чем отличается пессимист от оптимиста? – спросил он меня. В ответ я лишь отрицательно помотал головой.

– Пессимист вечно ноет, что жизнь – дерьмо и хуже не бывает. А оптимист ему отвечает, что бывает-бывает... – и Колян заливался звучным хохотом.

Завидев карты, он предложил сыграть в дурачка. Через полчаса игры я спросил его: знает ли он правила игры в «Три палки»? Тут он заявил, что это его любимая игра и предложил всем собравшимся в палате сыграть в «Три палки» с наказульками. Для незнакомых с этой карточной игрой я правила объяснять здесь не буду. Достаточно сказать, что самая захватывающая часть игры – это те самые наказульки. Смысл в следующем. Проигравший партию загадывает любую карту из колоды и вытягивает карты по одной. Когда он вытянет искомую карту,

то наказание сразу прекращаются, а до тех пор его будут наказывать той самой – все увеличивающейся по карте колодой. По нашим правилам при вытягивании дамы проигравший получал пощечину накопившейся стопкой не угаданных карт. Отмечу, что получить пару раз со всей дури стопкой из двух-трех десятков карт довольно неприятно. Аналогично, за короля следовал удар колодой по кончику носа, за туза – колотуз (резкий удар нижней частью сжатой в кулак ладони по макушке), за валета – фофан по лбу и т. п. В первый розыгрыш проиграл сам Коля и стоически вынес свою порцию наказулек. Пощечины, щелбаны и фофаны не производили на его, словно высеченном из мрамора, лице никакой негативной реакции. Наоборот, он смеялся, подзуживал ударить сильнее и казалось, что он получает неподдельное удовольствие. Но в следующую партию проиграл Андрюха и я остолбенел, когда вытянув червонного валета от резкого, как вспышка молнии, фофана Коляна Андрюха рухнул на пол вместе со стулом. Все замолкли. Я часто играл в своем дворе в эту карточную игру и тысячи раз видел, как ставят проигравшим фофаны, но чтобы трезвый человек упал от фофана на пол вместе со стулом – такого я не видел больше никогда. На свою беду загаданная Андрюхой карта оказалась на самом дне колоды и экзекуция продолжалась еще долгие полчаса. Когда она закончилась, я встал в полной тишине и пробормотал чужим, вязким голосом о том, что меня ждут в столовой и нам нужно идти за едой в главный корпус. Выйдя за порог и закрывшись на ключ в буфете, я подглядывал в замочную скважину как из палаты под разными предлогами выходят все остальные и приговаривая, что им нужно сходить в туалет, выйти покурить, идти на капельницу, разбегаются в разные стороны. Коля тщетно уговаривал всех продолжить игру, но никто больше не соглашался. Из палаты не вышел только Андрей, но вряд ли он хотел взять реванш. Думаю, что он просто лежал на койке в шоковом состоянии, но проверять свою догадку я, конечно, не стал.

В дальнейшем Николай частенько пытался уговаривать всех сыграть в его любимую карточную игру, но никто из старых постояльцев нашего пансиона не соглашался. На такое по неопытности соглашались лишь новички, но, проиграв хоть один раз, больше они к картам не прикасались. Дважды я по секрету шептал новеньким чтобы они не поддавались на провокации Коляна. Один раз предупреждал неведомо как оказавшегося у нас четырнадцатилетнего суворовца, а в другой раз щупленького доходягу Костю, но о Константине рассказ пойдет позже. Что касается меня, то, не желая расстраивать своего друга Колю немотивированным отказом, я просто каждый раз ловко менял опасную карточную тему, если она возникла в нашем разговоре. Обычно мы травили анекдоты или болтали о нашей службе. Он прослужил чуть меньше полугодя и числился в роте почетного караула Петербургского гарнизона. Вместе с ним прибыло очень большое пополнение молодых ребят и они с товарищами ждали тот долгожданный день, когда дембеля уедут домой и тогда небольшой контингент отслуживших по году ребят останется один на один с одноклассниками Николая. Впрочем, какой-то жестокой «дедовщины» с мордобоем и летающими табуретками у них в части, как впрочем и у нас, не было. В основном была изматывающая шагистика и физические упражнения с нагрузкой на ноги.

– Ты пробовал стоять часами не шевелясь на одной вытянутой ноге, удерживая неподвижной вытянутую вторую? – спрашивал меня грозно Коля. Я честно отвечал, что Бог миловал.

– Сейчас-то я малость попривык, – продолжал говорить погруженный в свои воспоминания Николай, – Но первое время тяжеловато было. Осознавая, что «тяжеловато» Николая равносильно моему «невыносимо», я сочувственно кивал, пытаюсь пускать синие колечки табачного дыма.

Глава вторая

Колян был отличный товарищ, но у него было два существенных в моих глазах недостатка. Он не любил лишний раз покидать наше отделение, а также не пил и не курил. Поэтому в качестве напарника для исследования окружающей территории и поисков приключений на свою задницу я обычно выбирал артиллериста Антона. Антон был родом из Псковской области, отслужил почти год и уже имел сержантские лычки, хотя соображал довольно медленно. Также он много матерился, был с большим пивным пузиком и все время думал где бы раздобыть выпивку. В один из дней я позвал его со мной на прогулку. Я здесь находился уже почти три недели и мне надоело околачиваться в нашей палате. До обеда было еще больше двух часов и я планировал провести небольшую рекогносцировку. Ему было скучно лежать в душевной палате и он радостно принял мое предложение пройтись по свежему весеннему воздуху. В начале мы отправились в больничный магазинчик за сигаретами. Выйдя оттуда и закурив, я потянул его за оторванное ухо ушанки и спросил:

– Глянь, Тоха. Видишь серый дом напротив? Там еще почта написано. Неужели на территории госпиталя есть свое собственное почтовое отделение?

– Выходит, что есть. Тут тысячи людей со всего Ленинградского военного округа собрались. Множество родственников переживают, шлют письма и телеграммы, а сотовые у немногих в армии есть. У контрактников только и некоторых дембелей, – ответил медленно он.

– Ну да, – нетерпеливо перебил я, – я к чему базарю. Если позвонить родне и попросить отправить денежный перевод в пару тысяч на здешний адрес и мое имя, то я смогу получить его здесь предъявив свой военник (военный билет – прим.)?

– Наверное, – лениво процедил он, – Давай зайдем и спросим. Тут у меня выпала из пальцев наполовину выкуренная сигарета и я, торопливо пробурчав обычную в таких ситуациях мантру: быстро поднятая сигарета – не считается упавшей, ловко поднял ее и, спустя минуту, мы направились ко входу в почту. Полученная там информация от скучающей миловидной девушки подтвердила мои ожидания. Оставалось найти способ позвонить родственникам и решить вопрос с местом приобретения выпивки. И где ее распивать? Не в палате ведь, ясен перец. Медсестры могут запах чухнуть, да и желающих выпить на халяву мигом туча слетится. Можно было бы закрыться в буфете, но тоже как-то стрёмно. Насчет звонка я особо не загонялся, так как уже знал к кому за телефоном обратиться.

– Антон, – обратился я к своему спутнику, – Если бы у нас сейчас была бутылка водки, то где бы мы ее стали пить? В доселе бессмысленных глазах сержанта полыхнуло адское пламя, как у героя Шварценеггера из фильма «Терминатор», и он отчеканил металлическим голосом:

– Две! Две бутылки водки!.. А бухать можно везде. Например, – он обвел панораму госпиталя взглядом Наполеона, выискивающего уязвимое место в рядах прусских войск в битве под Йеной, – В катакомбах.

– Гениально, – я громко хлопнул себя по лбу. Катакомбами называли протянувшийся под госпиталем гигантский лабиринт из полутемных коридоров, соединявших старые бомбоубежища. Я про них уже слышал раньше от своих помощников в буфете и знал где находятся несколько открытых спусков. В принципе, их никто особо не маскировал и частенько в них спускались и выходили разные люди, в том числе врачи. Наверное, старые бомбоубежища не пустовали, а использовались как какие-нибудь склады для списанной мебели и прочей ненужной рухляди.

– Пошли, – тут же предложил я. – Пройдемся, поглядим. И мы направились к ближайшему входу в катакомбы. Спустившись по десятку ступенек, я присвистнул. Уходящий в темноту коридор шириной в пару метров, валяющиеся сломанные и целые деревянные стулья, заколоченная досками дверь справа от входа... Внушает. Мы двинулись ленивой походкой,

изображая из себя случайных туристов. Пройдя шагов тридцать, мы наткнулись на первых встреченных нами людей в катакомбах. Двое парней в больничных пижамах сидели вплотную друг к другу на корточках у какой-то двери и молча курили одну папиросу на двоих. Пройдя за следующий поворот, мы наткнулись на четверку парней в синих пижамах, которая распивала из одноразовых стаканчиков водку и запивала лимонадом. Полторашка лимонада и две початые бутылки водки стояли перед ними на оторванной половинке от шахматной доски. Я улыбнулся краешком губ, прочитав в тусклом свете одинокой лампочки надпись на этикетке бутылки -«Армейская». Оригинально!

– Пацаны, – весело начал я. – Можно вопрос?

– Можно Машку за ляжку, – недовольно пробормотал один из них и набычившись уставился на меня. Видимо, опасался от нас просьбы налить стопочку на халяву. Нисколько не смутившись, я продолжил озвучивать свою мысль, – Где тут пузырь поблизости есть возможность приобрести?

– В Чипке (армейский магазинчик – прим.) возьми, – повеселев сказал он.

– Да ну? – Искренне удивился я. – Только что там сигареты брал, но ни разу не видел, чтобы водку продавали.

– Блин, выручи сигаретой, – попросил он. Затем закурил взятую у меня сигарету и продолжил, – дай просто продавщице двести рублей и попроси бутылку водки. Только смотри, чтобы рядом никого не было, а то при посторонних она не продаст.

– Двести? – удивился я. – В магазине пол-литра водки всего полтинник стоит.

– В магазин надо еще через забор лезть. А вдруг патрулю комендатуры или ментам попадешься? Они здесь часто пасут. Сразу выгонят из госпиталя за грубое нарушение режима, да и в части потом наkostenяют за скандал.

– Ты прав, – согласился я. – Прямо здесь купить будет спокойнее. И мы с моим верным сержантом продолжили путь. Возможно, со стороны мы выглядели как Дон Кихот с Санчо Пансой. Я – высок и строен, а Антошка был низенький и с выпирающим пузом. Мы прошли еще два поворота вглубь катакомб и остановились перекурить в безлюдном коридоре. Я уже открыл было рот, чтобы сказать своему другу, что нам пора возвращаться, так как это место для будущей нашей пьянки мне сразу понравилось и мы даже узнали где без лишнего риска купить бухла. Но в этот момент мне в спину больно ударила закрытая до этого момента дверь и женский голос с сильным акцентом произнес:

– Ой, мальчики... Вы то мне и нужны. Поможете мне на пять минут? Я остоленело выронил из руки уже вторую за этот день сигарету и, резко обернувшись, посмотрел на невысокую темноволосую женщину, стоящую в дверном проеме.

– Конечно, – ответил я за нас обоих, – в чем требуется помощь? Она отошла и я увидел большое и очень хорошо освещенное помещение с десятком столов, за которыми стояли женщины вьетнамской наружности и, не обращая на меня никакого внимания, уверенно строчили на больших швейных машинках какие-то спортивные костюмы.

– Нужно с тех столов пять машинок перенести в соседнюю комнату, – командным голосом сказала она и ткнула рукой. Мы с товарищем молча прошли по направлению ее вытянутой руки и ровно за пять минут перетасили довольно тяжелые машинки куда нам и было приказано.

– Спасибо, – лаконично произнесла она и сунув что-то мне в руку твердо захлопнула перед нами дверь. Я молча уставился на бумажку в своей руке, развернул ее и при тусклом свете коридорной лампочки увидел купюру в пятьсот рублей.

– Офигеть! – Только и смог вымолвить Антон. Он порывался тут же бежать в Чипок за пузырями, но я его слегка притормозил. Спокойно объяснил ему, что нам еще нужно успеть вернуться в отделение и идти в процедурный кабинет на уколы. Потом мне нужно будет сразу

идти вместе с помощниками, получать обед в главном корпусе, а по возвращении разложить еду по тарелкам, разлить по стаканам чай, разнести посуду и прочее.

– Пойдем в магазинчик после обеда, никуда он от нас не убежит. – Уговаривал я. Чтобы подсластить пилюлю, я намекнул товарищу, что захвачу с собой котлеты нам на закуску и, на фоне тех прощелыг с лимонадом, мы будем выглядеть как вполне солидные люди. Он согласился с моими вескими доводами и мы отправились заканчивать свои дела.

После обеда мы сбегали в магазин и, улучив момент когда не было других посетителей, заговорщицким шепотом попросили водочки. Продавщица недовольно оглядела нас и протянула две бутылки с сотней сдачи. После чего мы отправились в ставшие почти родными для нас катакомбы. После обеда мы уже никого там не встретили и удобно расположились за шахматной доской, еще недавно служащей столиком для предыдущей компашки. Опорожнив в два захода первую бутылку, мы блаженно закурили и вслух предались мечтаниям о доме. Антона дома ждала подруга и он очень за нее переживал. Меня же любовные тревоги нисколько не смущали, так как перед отправкой в армию я благоразумно обрубил все концы. Зачем томиться переживаниями целых два года? Иногда писал письма маме, а в остальном постарался целиком сосредоточиться на несении службы.

– Бляха-муха! – произнес неожиданно Антон. – Две сотни за бутылку, которой сороковник красная цена. Я понял, что его мучает пятикратная разница между товаром из под полы спекулянта и официальным ценником в магазине, поэтому решил отвлечь его от грустных мыслей и на конкретном примере объяснить, что всюду в нашей жизни царит обман и надувательство. Не мы одни такие лопухи. Всегда меня по пьяни на разоблачения жуликов тянет.

– Антон. Чего ты переживаешь из-за денег? Ты когда-нибудь покупал магнитофон или телевизор в крупных магазинах бытовой техники? – Начал я свой сеанс разоблачения. Дождавшись его утвердительного кивка, я продолжил, – А не замечал ли ты когда-нибудь, друг мой ситный, что на ценниках копейки после суммы в рублях стоят? Внимание, вопрос! – Повысил я немного голос, – На фига на ценниках стоят копейки, если на кассе их никто не считает? На самом деле это просто подсказка для продавца, которая указывает процент премии в случае успешного втюхивания залежалого товара. Двадцать копеек – это один процент от рублевой суммы тебе в премию, семьдесят копеек – три процента, девяносто копеек – два процента. К примеру, если на ценнике стоит сумма в десять тысяч рублей семьдесят копеек, то премия продавца составит три процента от десяти тысяч, что эквивалентно трем сотням. Теперь представь себе, что я продавец и ко мне подходит покупатель в магазине, и спрашивает какой телевизор ему лучше купить: за 10000 рублей 70 копеек или за 15000 рублей 20 копеек? Я первым делом смотрю на копейки на ценниках и тут же говорю, что первый телевизор намного надежней, долговечней и к тому же дешевле. Какие могут быть сомнения? Покупатель сразу проникается ко мне доверием, так как я ему советую более дешевый товар и следует моему совету. А на самом деле я в душе не чаю какой телек лучше или надежнее. Просто за первый я получу премию к зарплате в триста рублей, а за второй всего сто пятьдесят рубликов. Вот и все. И такая система копеек на ценниках повсюду нас окружает: в магазинах бытовой техники, в магазинах косметики и прочего.

– Всюду дурят нашего брата, а ты за дорогую водку переживаешь. Деньги ведь эти все равно нам задарма достались. – Я на секунду замолчал, а затем горько усмехнулся и допил остатки водки из своего стаканчика. – Пошли, братан, в распорягу.

– А откуда ты знаешь про эту фишку с ценниками? – Слегка заплетая язык, спросил меня Антон, пытаясь приподняться.

– Да, я проработал продавцом в одной федеральной сети бытовой техники около полугода, – махнул я рукой. – Перед тем как призваться в армию. И мы с Антошкой в обнимку побрели к выходу из катакомб.

Подходя к палате мы услышали звучный смех Коляна, который рассказывал анекдоты отдыхающему после уколов суворовцу Паше.

– Приходит секретарша на работу устраиваться по объявлению, – весело начал Коля. – И директор ее спрашивает. Скажите, пожалуйста, вы можете печатать со скоростью сто знаков в минуту?

– Конечно. – отвечает она.

– А со скоростью триста знаков в минуту? – не унимается будущий шеф.

– Легко! – кивает она.

– А тысячу знаков в минуту? – выпучив глаза спросил ее директор. – Тысячу можете?

– Могу и тысячу, – кивнула она утвердительно. – Только такая херня получается.

Мы все дружно рассмеялись и я искоса взглянул на малыша суворовца, размышляя над тем, как бы мне половчее к нему подступиться со своей маленькой просьбой. Он поступил к нам с левосторонней пневмонией пару дней назад и был самым юным пациентом нашего отделения. Никто с ним особо не пытался сдружиться, так как ни у кого из нас не было интереса болтать с четырнадцатилетним сопляком. Меня вообще очень удивило, что несовершеннолетних кадетов Суворовского и Нахимовского училищ положили в военный госпиталь вместе с взрослыми дядьками, а не отправляют в гражданские больницы. Он целыми днями валялся на кровати и игрался в сотовый телефон. Должен отметить, что в самом начале нулевых годов мобильный телефон в армии был еще редкостью и меня поражало, что он ежечасно скачивал себе всевозможные платные мелодии, картинки и игрушки, отправляя короткие номера в разные платные сервисы. Предыдущим вечером я спросил его: не слишком ли это дорого стоит? А он лишь сказал, что ему по фиг. Дескать, предки каждый месяц ему на баланс по три тысячи рублей кладут. Я присвистнул. Видимо, у Паштета были богатые родители. Тогда кто-то из нас предложил ему попробовать позвонить в службу «секс по телефону», коли он деньги на балансе не считает. Мы все дружно поддержали эту просьбу и, раскрыв одну из валяющихся на тумбочке газет, продиктовали ему один из номеров данной рубрики объявлений. Суворовец включил громкую связь и мы замерли, затаив дыхание. До этого дня я никогда не пробовал звонить в «секс по телефону» и был заинтригован, но меня постигло сильное разочарование. Голос ответившей женщины был приятный, но никакого возбуждения беседа с ней не доставляла. В течении получаса она описала как она выглядит, что на ней надето, в какой ресторан ее пригласил суворовец и что они там себе заказывали... Довольно быстро всем надоела эта нудная тягомотина и мы легли спать. Теперь у меня к нему была личная просьба.

– Здорово, Пашка, – начал я. – Как дела?

– Нормально. – отозвался Паштет.

– У меня к тебе просьба, – вздохнув, я продолжил. – Можешь меня выручить? Я хочу к своим родакам в Нижевск на сотовый позвонить. Попросить их денежный перевод на нашу почту мне отправить и быстро сказать, что все у меня хорошо. Выручишь со связью? Я только пару минут проговорю.

Он спокойно протянул мне телефон и я сразу позвонил своим родителям, скороговоркой сказав, что у меня все хорошо, здоровье идет на поправку и попросил выслать денег. Потом я поблагодарил Пашу и с довольной улыбкой пошел в наш буфет мыть посуду. Подвернувшийся случай грех было упускать. В отличие от воинской казармы, здесь не нужно было упрашивать взводного командира сопроводить меня до почты, так как военный билет обычно хранится у него в сейфе, да и старослужащие потом могли большую часть перевода из меня разными способами выудить. А здесь у меня военный билет был всегда при себе и деньгами я могу распорядиться абсолютно самостоятельно. Помыв посуду, я пересчитал оставшиеся у меня после пикника в катакомбах котлеты. В кастрюльке лежало двенадцать штук и я решил переложить десяток подальше от посторонних глаз, а парочку отнести Паше. Не то чтобы я не доверял своим помощникам по столовой, парни они были отличные и совсем не голодали. Просто я

не хотел смущать их взор видом моих котлет. Зависть – плохое чувство. Решив, что я тут после Коляна самый длинный, то благоразумнее всего держать свою записку повыше, где она не будет бросаться в глаза. Запихнул пластиковую тарелку с котлетами на верх облезлого навесного шкафа и убедился, что без табуретки увидеть записку невозможно. Затем отправился спать.

Глава третья

С утра я сходил на укол пенициллина и потом зашел в свой буфет. Там меня дожидались мои помощники из соседней палаты и мы весело отправились на раздачу пищи, гремя по дороге нашими ведрами и бидонами. Периодически к нам присоединялись пацаны из других больничных корпусов и к раздаточным столам нас подошла уже целая дюжина. Несмотря на царящую в госпитале утреннюю тишину, тут все гремело и звенело. Первыми в очереди как всегда стояли трое «психов» в сопровождении медсестры. Двое из них выглядели вполне нормально, внешне ничем не отличаясь от нас, а вот третий вечно ходил с улыбкой гуимплена и иногда даже натурально пускал струйку слюны. Я никогда не мог его раскусить: симулирует он или на самом деле такой? Если он реальный псих, то почему его выпускают из здания, пусть даже и в сопровождении медсестры? Наверняка на его место полно желающих, ведь во время прогулки за пищей легко «настрелять» целую горсть сигарет, и его легко заменить на нормального симулянта. А если он симулянт, то какого черта он изображает психа перед нами? Нам ведь абсолютно плевать на его диагноз. Если только ради тренировки перед медкомиссией и он полностью вжился в роль... Мысленно прикинув, что моя очередь за рисовой кашей подойдет лишь минут через десять, я приготовился к ожиданию. Стоящий позади парень неожиданно спросил меня хриплым голосом:

– Ты откуда призвался, братан?

– Из Нижевска, – бросил я в ответ. Он уставился на меня как баран на новые ворота. Видимо он задавал всем этот вопрос чисто автоматически, не ожидая услышать желаемый ответ, поэтому он был шокирован.

– Из Нижевска? Я тут целый год отслужил и в первый раз зему (земляка – прим.) встречаю, – воскликнул он радостно и мы с ним тепло обнялись. – Я из Чуйтковска, рядом с тобой живу. Служу в спецстрое, электростанцию в Ленобласти строили. Теперь объект окончен и нашу часть переводят в другое место.

– В какое? – поинтересовался я.

– Прикинь, нам даже самим выбор дали сделать. – доверительно поведал он мне. – Либо в твой Нижевск ехать – здание цирка у вас строить, либо на Новую Землю. Через месяц всем нужно определиться с решением, а я сюда с больными почками угодил... Вот я и думаю, пока тут в больничке лежу.

– Ты дурак? – невежливо поинтересовался я. – Чего тут думать? У нас действительно год назад начали здание нового цирка строить, а то старое здание еще пленные немцы после войны делали и оно за полвека совсем обветшало. Стройка идет в центре города рядом с рынком и автовокзалом. Твои родители к тебе смогут по выходным на автобусе приезжать с хавчиком (едой-прим.). А Новая Земля знаешь где? Рядом с Северным полюсом. Там поди из гражданских не живет никого. Что там строить? Построите какую-нибудь секретную ракетную шахту, а вас потом в этой же шахте закопают, чтобы вы никому этот секрет не рассказали на гражданке. А родителям твоим письмо отправят: дескать, ваш сын геройски погиб в неравной схватке с белым медведем... Или, что ты тупо замерз. Оттуда ведь поезда не ходят и дорог там нет. Проверять твою судьбу туда никто не поедет. Может там вообще рабовладельческий строй – солдатики в цепях ходят и их кнутом офицеры подгоняют? Захочешь убежать, а некуда будет.

– Блин, я все понимаю, – начал нервно оправдываться он, – Тут фишка вот в чем. На Новой Земле день службы за два идет. И если мне в Нижевске придется еще год эту чертову службу терпеть, то на Новой Земле лишь четыре месяца... – Он умолк и его глаза приняли мечтательное выражение. Я сразу понял, что с выбором он уже давно для себя определился. В эту минуту подошла моя очередь за кашей и, пожелав своему земляку сделать правильный выбор, я с грохотом водрузил на стол пустой бидон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.